

Культура. — 1997. — 1 мая. — С. 12

О пользе разумного эгоизма

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Надежда ПТУШКИНА

Нынешнее время перевернуло в сознании людей искусства многие привычные понятия и изменило сам способ жить. Об этом размышлял в нашей газете артист Сергей Чонишвили. Разговор продолжает сегодня набирающий популярность драматург нового поколения Надежда Птушкина, известная как автор пьес "При чужих свечах", "Овечка", "Приходи и уходи", "Пока она умирает" и др.

Начну с цитаты: "Я лицемерно соглашусь с любой критикой" ("Драматург", № 6/95). В этой фразе нет лукавства?

В ней моя самоирония и игра по отношению к "любимой" критике. На самом деле отношение к критике у меня сложное, но не такое: у меня есть ясная, откровенная позиция. Я разделяю критику на положительную, отрицательную, уничтожающую и какую. И первую, и вторую, и третью, и четвертую равно приветствую и ценю. Потому что хитроумия нет ничего. И себе позитив зачисляю любой отзыв, любое внимание. Все, без исключения, независимо от мерений самого критика, является для меня рекламой.

Что касается содержания критических отзывов — не суть важно, положительно или отрицательно оценивают мою работу, важно, насколько это аргументированно и интересно.

И большое наше социальное завоевание, что критика сейчас не имеет возможности плавно перейти в травлю. Глупость же рецензента меня как драматурга скомпрометировать, естественно, не может. Ну при чем тут моя пьеса, если критик отзывается об "Овечке", допустим, так: "похабень". Это проблемы его воспитания; его интеллектуальной ущербности, может быть, зависит...

Другой вопрос, что есть статьи, которые мне лично интересны: работы И.Мягковой, Н.Агисевой, И.Василининой, М.Рощина. Здесь имеет место серьезный анализ. И есть статьи, из которых узнаешь про пристрастия авторов, про их вкусы, комплексы, в том числе и сексуальные, про их отношения с женами, но только не про спектакль или пьесу, послужившие поводом к написанию.

— Как вы оцениваете уровень современной критики в

целом? Может быть, он соответствует уровню сегодняшнего театра?

— Я не рискую оценить или даже как-то прокомментировать уровень современной критики вообще, тем более соотнести это с историей критики и театра. Тут я не компетентна. Могу поделиться только наблюдениями относительно внимания критики к моей персоне, в котором наверняка отражаются тенденции критики вообще. По-моему, с критикой все благополучно. Возникло новое имя. И вокруг тотчас же появились самые разнообразные статьи. То есть пошел процесс, определяются сторонники и противники. И это правильно, естественно и закономерно. Это первый этап, когда оглашаются в критике какие-то факты касательно моих пьес, передаются эмоциональные впечатления от спектаклей. Пока нет предмета для аналитических статей или для интереса к моей личности. Только критики, очень пристальные к сегодняшнему театральному процессу, решились на подробные высказывания о моих пьесах, на попытки обобщения и на прогнозы. И я высоко ценю подобное внимание, оно меня окрыляет. Будет ли это развиваться? Не мне прогнозировать. Внимание легче привлечь, чем удерживать. На сегодняшний день у меня ощущение серьезных авансов со стороны критики. И поэтому впечатление, что наша критика доброжелательна. И это тоже нахожу правильным, потому что нуждаюсь в моральной поддержке и думаю, что это нормальная потребность. Такую поддержку, безусловно, получила более, нежели пока заслужила.

— В театральной среде у вас репутация драматурга прежде всего коммерческого. Как вы к этому относитесь?

— Пьеса, как только она написана и перепечатана в эдном количестве экземпляров, для меня сразу же становится товаром, который должно продать. Спектакль, с каким бы вдохновением и самыми благими намерениями он ни делался, на премьере тоже становится товаром. Товар должен пользоваться спросом. И в этом смысле, какой бы кто ни вкладывал оттенок в эпитет "коммерческий", мне это льстит. Предубеждение по отношению к понятию "коммерческий" спектакль или "коммерческая" пьеса представляется мне атавизмом тоталитарности. Зритель платит деньги, и безнравственно лишать его "дееспособности", то есть навязывать то, что он должен смотреть. Сейчас нет стремления посредством театра поддерживать в гражданах определенный идеологический градус. Но сам метод навязывания как рудимент тоталитаризма сохранился. Зрителю стремятся навязывать моральные, нравственные постулаты. Психологически театру пока еще трудно перестроиться на подлинно демократические отношения со зрителями. Театр даже не решает декларировать подобный принцип отношений. Но он просто "обречен" считаться со зрителем во многих аспектах. И неизбежно придется принимать во внимание, хочет зритель платить за данный спектакль или нет.

Беседу вела
Наталья ПЕТРОВА